

Глава VIII

ЧЕМ Я ХУЖЕ СОБАКИ?

Марс шел уж третью ночь, не спал, опасаясь, что его будут преследовать. Пробираясь вдоль длинного оврага, который когда-то был рекой, он еле поднимал ноги от усталости. И без того серое небо стало совсем черным, через полчаса повалил спасительный снег. Марс обернулся и прислушался. Все спокойно. Задом по своим же следам вернулся метров на двести назад до небольшого деревянного чудом сохранившегося мостика, спрыгнул вниз и расположился под ним. Обосновался на промерзшей земле, лежал и смотрел на темные доски, покрытые инеем. Достал банку тушенки, вдавил кольцо и потянул, руками доставал мясо, долго пережевывал, наслаждаясь каждым куском. Сейчас бы пару одеял для полного счастья или костер, но первого не было, а второе было крайне опасно. Как выключился и сам не понял, но тут же открыл глаза. Ветер стих, а снег все не сдавался, сыпал по-прежнему. Марс снова прислушался, в голову полезли мысли об Андрее, но он решительно отбросил их. Перевернулся на бок, съежился, поджал к груди ноги, обнял их руками, снова задремал. Спал до рассвета беспокойно, то и дело просыпался, слушал. Один раз даже показалось, что кто-то прошел по мосту.

Когда настало утро, он, наконец, вылез из укрытия. Снегопад стал стихать и через несколько минут прекратился вовсе. Ровная поверхность, белоснежная нетронутая целина. Марс накинул рюкзак на плечи, взял сверток с едой, в другой руке обрез, двинул дальше на юг. В голове с самой ночи засела мысль, что нужно найти карту и компас, нужны тряпки и сумка через плечо, чтобы это все можно было тащить. Да, все это было нужно, но для этого снова нужно было направиться в город, чего он совсем не хотел делать. Через полдня пути вышел на разбитую переметенную дорогу: когда-то, наверное, была трасса для автомобилей. Пошел по ней в надежде увидеть указатели. Где-то же должен быть город? Спустил еще один день пути заметил ржавую табличку. Облупившаяся белая краска, заметны только две последние буквы «ль». Что это? Город? Деревня? Село? Марс долго думал, жуя галеты. По привычке осмотрелся по сторонам, никого, словно он был один на необитаемой планете. Вскоре достиг окраины города. Разграбленная, разрушенная, серая и унылая местность. Впрочем, обычная картина, к

которой пора было бы и привыкнуть. Стал спускаться, прячась за развалинами. Кто знает, кого можно встретить? Дома с выбитыми стеклами, покосившимися дверями и обрушившимися крышами. Большинство частные, где-то вдалеке обособленно стояли трехэтажные многоквартирные, за ними большой завод, еще дальше огромное здание элеватора.

Забрался в один из домиков, выбрал самый неприметный. Расположился в комнатухе, нашел лист железа, по-видимому, с крыши, уложил его на пол, подложил кирпичи, накидал палок для костра. Прежде чем заночевать решил обойти округу, осмотреться. Увидел неподалеку колодец, вокруг множество следов, замерзшая пролитая вода. Бетонные кольца уходили глубоко в землю, внизу ровная гладь, чистая и прозрачная. Показалось, что почувствовал ее аромат, хотя пахло просто сыростью. Аккуратно опустил помятое ведро вниз и вытащил немного прозрачной глади, зачерпнул в ладони. Аккуратно понюхал, с опаской попробовал на язык и только потом выпил. Долго стоял, зачерпывая пригоршнями воду. Пил и пил. Ледяная, с особым привкусом. Казалось, что вкуснее именно этой воды в жизни не пробовал ничего.

– Эй! – окликнули его словно из преисподней. – Заблудился, приятель? Марс медленно разогнулся. – Руки подними и повернись.

– Я просто шел мимо и увидел колодец. Я сейчас уйду, – чеканя каждое слово, он поднял руки и повернулся.

– Ну, это теперь вряд ли, дружище, – усмехнулся человек в овечьем полушубке и шапке с помпоном на голове.

В трех метрах от Марса стояли двое. Он так и не понял, откуда они появились. Человек в полушубке направлял на него пистолет Макарова. Второй похож на фрица, попавшего в плен под Сталинградом: рваная шинель, голова замотана шерстяным платком, в левой руке копье, вместо наконечника приделано полотно косы. В правой руке он держал бечевку, накинутую на шею пленника с мешком на голове. Торс у пойманного парня был обнажен, из одежды только рваные штаны. Он стоял на снегу босыми ногами, посиневшими от холода, держа руки за спиной. Вся его одежда висела у фрица на плече, ботинки связаны между собой шнурками.

– Я просто шел мимо. Я уйду и все. Каждый пойдет своей дорогой.

– Раздевайся, ствол медленно отбрось. Дернешься резко, пристрелю.

– Да пристрели ты его сразу! Какого хера с ним нянчишься?!

– Слышь, умник, я потом отстирывать кровь со шмоток не собираюсь!

– Марс бросил перед собой обрез, расстегнул куртку. – Давай иди, забери обрез лучше!

– Так у меня это... – фриц дернул за веревку, пленный подался вперед.

– Да брось ты свою игрушку! Не убежит он никуда! Достал уже с ними! Каждый раз с тобой одна и та же херня! Нужно было кончить его, как и остальных! Сказал же Хищник, пленных не брать! – он отвесил своему напарнику подзатыльник.

– Да че ты?! Это не пленный! Это моя кукла! Домашнее животное.

– Придурок! Иди, поднимай обрез, я сказал! Хорошо, что родители померли и тебя не видят. Горе, а не брат! – закачал человек в полушубке и снова отвесил ему подзатыльник.

Фриц обиженно посмотрел на брата, помешкавшись, вонзил копьё острием в снег и направился к Марсу. Тот уже снял куртку и держал ее перед собой в руках.

– Шаг назад сделай, – скомандовал ему человек в полушубке.

Марс послушно отступил, занимая удобную позицию. Как только фриц закрыл своей спиной брата, Марс резко накинул на его голову куртку, со всего маха толкнул на подельника, а сам прыгнул за ним следом. Через секунду все трое лежали на снегу. Между Марсом и старшим завязалась борьба. Марс залез сверху, выбил пистолет, с размаха несколько раз ударил головой в переносицу, разбивая противнику лицо и отключая его. Фриц, словно неваляшка, пытался подняться, поскользнулся на льду и снова падал. Когда ему удалось встать на ноги, Марс уже стоял перед ним с его же копьём в руках.

– Слушай, так мы это... – копьё заткнуло ему рот.

Фриц упал на колени. Марс рывком вдавил острие глубже, упер древко в снег, чтобы тело не завалилось, и резким движением ноги сломал кадык его брату. Отдышавшись, обшарил мертвецов. Ничего путного не обнаружил, только канцелярский степлер. Какой от него толк? Они шли налегке, а это значило, что у них рядом была стоянка и эти двое принадлежали какой-то группировке. А если это так, значит, их будут искать. А это плохо, очень плохо. Он рассчитывал не ввязываться ни во что и оставаться невидимым. Не вышло. Марс одел свою куртку, поднял пистолет, вытащил обойму – полная. Это прекрасно. Засунул за пояс. Подошел к повисшему на копьё телу и пнул ногой. Фриц рухнул на землю.

– Вот дерьмо! – выругался Марс вслух и обхватил голову руками.

Стал приглядывать место, куда можно было бы спрятать тела. Его взгляд упал на лежавшего в стороне парня. Тот даже не шевелился.

– Эй? Живой? – Марс дотронулся до него рукой. Тот вздрогнул, завыл и съежился, в ожидании побоев. – Да успокойся ты. Все нормально. Я тебя сейчас развяжу, только без глупостей. Начнешь орать – вырублю и оставлю тут замерзать. Ты понял? – парень промычал что-то невнятное. – Ладно, черт с тобой.

Развязал руки, снял с шеи петлю, скинул мешок с головы и поморщился от увиденного.

– Вот, блин, – он цокнул языкам, почесал висок и сплюнул в сторону.

Испуганные глаза, разбитая бровь и переносица с запекшейся кровью. Губы наглухо скреплены между собой железными скобами. Теперь понятно для чего был нужен степлер.

– Так, ладно, не дергайся, – Марс потянулся к парню, но тот по инерции шарахнулся назад. – Да успокойся ты. Спокойно. Нужно вытащить эту хрень. Понял? – он нерешительно закивал головой. – Будет немного больно, наверное.

Марс по одной вытащил железки из тела парня, тот морщился, скрипел зубами, но терпел. Когда закончил бедолага с трудом смог разжать губы и пробормотать что-то невнятное вроде «спасибо».

– Оденься, пока не заоченел вовсе.

Парень, дрожа всем телом, стал кое-как натягивать на себя одежду. Марс тем временем снял с мертвеца полушубок, оценивающе осмотрел, понимая, что в нем будет неудобно, хотя и тепло, и протянул парню. Тот снова начал благодарить, но Марс пропускал все это мимо ушей.

– Сколько их было всего? Двое или есть еще?

– Много. Мою группу перебили, меня вот... Роман, – он протянул своему спасителю руку. Кровь, перемешанная со слюной, вытекла изо рта.

Марс равнодушно взглянул на Романа. С него хватит друзей.

– Помоги спрятать тела, – отвернувшись, сказал он и, схватив за ноги труп, потащил к ближайшему дому.

Когда все было закончено, они убрали следы крови, возле колодца стало, как и прежде. Марс поднял обрез и стряхнул с него снег.

– Чего встал? Можешь валить. Тебя никто не держит.

Роман затряс губами, прикрыл лицо и зарыдал. Марс подошел к ведру, где оставалась вода, зачерпнул в ладонь, сделал несколько глотков и пошел прочь. Вслед снова услышал что-то вроде «спасибо», но возможно ему это и показалось. Петлял часа два по разным закоулкам, прятался, ждал, смотрел нет ли хвоста. Уже затемно пробрался в дом, в котором остановился. Сел возле подготовленного костра, достал зажигалку, потряс ее над ухом – бензина осталось не так уж и много – развел огонь. Ночь навалилась, словно огромный зверь. Тьма поглотила все в момент. Стало темно как в могиле и также тихо, лишь только потрескивал небольшой огонек, от которого веяло хоть каким-то теплом. Нужно было отдохнуть, а потом пройтись по местности. Дня два-три, не больше. И снова в путь. Марс сидел у костра и никак не мог заснуть, думал о прошлом, Викторе, Кате, из головы все никак не выходил этот парень Андрей. Достал из рюкзака шкуру собаки. Она начала изрядно вонять, соли не было, да и иголку с ниткой он так и не нашел. Пришлось выбросить это добро. Сколько себя Марс помнил, столько Виктор внушал ему, что он избранный, что он выше остальных, ибо рожден для спасения мира. Спасения от кого? От людей?! Он что, Божий сын? Даже смешно. Ему тоже придется дать распять себя на кресте ради дурацкой веры? Какая глупость. Да, раньше была вера, были храмы. Теперь не осталось даже надежды. Снова вспомнилось детство.

– Я не могу больше! Я устал! Понимаешь?! – Марс опустил руки, волосы прилипли ко лбу, пот тек ручьями.

Второй час он тренировался с Виктором, тело горело изнутри. Мышцы настолько забились, что и не ощущались вовсе. С утра он пробежал десять километров, потом плавал в прохладной реке, затем тренажеры, а теперь Виктор истязал его в спарринге. И так изо дня в день, отдыхать он разрешал только в воскресенье. Интересно, когда он стал верующим? Об этом Виктор

всегда умалчивал. Да и вообще он редко говорил о себе, все больше о Марсе, о том, что он должен, что он обязан, что он и только он.

– Подними руки! Держи стойку! Никогда не задавайся! Первый и последний раз я слышу о том, что ты устал! – он сделал шаг навстречу и его рука устремилась вперед. Марс еле успел уклониться. – Противник устает тоже! Побеждает тот, кто терпит! Запомни это! – он снова атаковал и Марс снова увернулся. – Я не всегда буду рядом! Ты должен уметь постоять за себя! Все, что я тебе даю, когда-то дали и мне! Научишься терпеть – выживешь! Запомни это, Марс! – он заходил вокруг парня словно хищник. – Боль, страх, неприязнь к чему-либо – это все ничто по сравнению с одиночеством! – снова удар, да такой, что даже через блок голова затрещала. – Когда тебе кажется, что ты уже не можешь, запомни, это тебе только кажется! Так что подними руки и нападай! Нападай через не могу, через красную пелену перед глазами, через подкатившую к горлу тошноту, сражайся за жизнь или ее у тебя заберут!

Виктор был прав, терпеть боль и усталость куда легче, чем остаться одному и терпеть одиночество. Он снова вспомнил о Кате. К горлу подкатил ком. Он громко всхлипнул, закусил кулак зубами и повалился на пол, начал безудержно рыдать в голос, не боясь, что кто-то услышит. Нервы иногда сдавали. В этот раз возможно от того, что не смог уберечь ее, хотя и обещал, а возможно от того, что просто уже устал, а приходится терпеть и делать то, что уже скорее всего бессмысленно. Делать потому, что так его научили, потому что по-другому он не умеет. Смерти он не боялся. Это уж точно. Марс посмотрелся на нее сполна и поэтому она его не пугала. Отдышавшись, он прикрыл глаза и провалился в пустоту.

Проснулся от кошмара. Приснилось, что Катю убили, что она лежит в безобразной, изуродованной позе, в грязной луже возле дороги. Облако мерзких насекомых облепило юное тело, источавшее зловонный запах. Он подходил ближе, а она отдалялась. Мух становилось все больше и больше, они заползали ему внутрь через ноздри и рот, а он терпел и шел вперед, хотел убедиться, что это точно тело Екатерины. В ужасе открыл глаза, на улице уже рассвело, угли остыли, воздух стал морозным. Вставать не хотелось, но он заставил себя усилием воли, чтобы снова не заснуть и не увидеть тот же сон. Нужно было осмотреть городишко. Есть не хотелось. Он вышел на улицу, спрятав в основании фундамента вещи, там был небольшой пролом. Нашел клочок капроновой веревки, который болтался на железном столбе, где раньше сушили белье, оторвал и привязал ее к обрезу, перекинул через плечо, чтобы освободить обе руки. Приметил большое здание, направился к нему. Табличка свидетельствовала, что когда-то это была школа. Ровный белый снег, следов нет, только его. Взял обрез в руки, медленно направился внутрь. Разбитое стекло, выбитые деревянные двери, длинные коридоры, разграбленное здание. Когда-то здесь давали знания, сейчас это место мертво, как и вся Земля. Под ногой лопнуло стекло, эхо разнеслось по

помещению. На стене надпись, точнее сказать, стих, написанный мелом. Подошел ближе, стал читать.

Я никак не пойму, чем я хуже собаки?
Может быть потому, что не лезу я в драки?
Может быть потому, что не глажусь по холке?
На поверку во мне лишь сплошные иголки.

Я никак не пойму, чем я хуже собаки?
Может быть потому, что скитаюсь во мраке?
Может быть моя жизнь вам не так уж понятна?
Может быть потому, что слегка я измятый?

Мне не надо от вас ни цветов, ни овадий.
Я полжизни прошел, научился кусаться,
Могу спать у двери и костями питаться.
Мне не надо от вас дополнительных танцев.

Я свой век доживу, как бы вы ни хотели,
И свой стих допишу на обыденном теле,
И скажу только вам, хотя вам не понятно,
Я ведь жил только миг, остальное невнятно.

Чудак на букву М. 8.12.20...

Подпись заставила Марса усмехнуться. Год затерт, не разберешь.

– Я ведь жил только миг, остальное невнятно, – Марс тихо произнес последнюю строчку вслух и отправился дальше.

Зашел в большое помещение: много каркасов стульев и столов, у большинства оторваны сиденья и столешницы – ушли на топливо. Отгороженное пространство с входной дверью и проемом для выдачи пищи. Обычная столовая. Зашел на кухню, поискать что-либо пригодное. Нашел ложку, засунул в карман. Мятые поварешки, кастрюли. Все, что можно было забрать, уже забрали. Посмотрел под столами, наткнулся на ржавый кухонный нож. Деревянная ручка от сырости и времени уже почти сгнила, да и сам клинок был изрядно ржавым.

– Ну, лучше чем ничего, – одобрительно кивнул головой Марс, обтирая его от пыли и грязи о свою штанину. – Подчистить, сделать ручку, и будет как новенький.

Он попробовал его на излом, нож изогнулся, но выпрямился обратно. Марс засунул его за голенище ботинка. Обойдя все вокруг, так толком ничего и не нашел, правда набрал из одного кабинета несколько кусочков мела. Зашел в спортзал и оторопел. Несколько тренажеров, гири, гантели, две штанги, четыре боксерских груши. Железо блестело, не ржавое – тут явно кто-то занимался. Попятился назад, взвел курок на обрезе, почувствовал, что

кто-то на него смотрит, резко обернулся. В конце коридора, опершись руками о дверной косяк, стоял человек под два метра ростом, занимал весь проем. Марс направил обрез в его сторону.

– Я бы не стал делать резких движений или необдуманных поступков, – спокойно предупредил здоровяк и медленно полез в карман.

– Эй! Не вздумай! – крикнул ему Марс и сделал шаг назад. Палец коснулся курка.

– Спокойно. Ты какой-то нервный.

Он словно в замедленной съемке вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку, достал одну сигарету прямо зубами, чиркнул зажигалкой и втянул в себя дым. Выдохнул сизое облако, потер большим пальцем переносицу и будто невзначай кивнул головой в сторону.

– Ты бы в окно глянул, – снова затягиваясь, произнес незнакомец.

Марс отклонился назад, поворачивая голову в сторону. Его лицо еле высунулось из-за угла. Человек десять: у двоих ружья, один даже с «калашом», остальные с топорами, копьями, вилами, молотками. Все разношерстно одеты, стояли в кучке и о чем-то болтали.

– Круто, – снова перевел взгляд на незнакомца Марс.

– А то, – здоровяк сделал затяжку и выдохнул дым. Он ногой выдвинул из-за стены рюкзак и сверток с едой, которые Марс спрятал в доме. – Твое?

Марс снова выглянул, кучка стояла на месте.

– Да, мое. Чего ты хочешь?

– Для начала просто поговорить.

– Хм. Ты обокрал меня и хочешь еще, чтобы я с тобой разговаривал?

– Ну, во-первых, я не крал. Это твои вещи и ты в праве их забрать. Но ты пришел в мой город, и я хочу знать, кто ты. Если ты нормальный человек...

– Нормальный человек?! Сейчас что, остались такие? Нормальные?

– Не везде. Но в моем городе, точнее сказать, на моей половине, нормальные все, а те, кто решили жить как скот, они и подышают как скот. Так что я просто хочу понять, кто ты, парень.

– Просто путник.

– Путник? Путники обычно ведут себя скромнее. А тут, знаешь, два трупа нарисовалось всего за сутки.

– Ты следил за мной?

– Конечно. Это моя территория.

– Те двое были твои люди?

– Слава Богу, нет. Я же сказал, что в моих рядах скота нет. Тебе повезло, что ты не зашел с другой стороны. Там бы тебя прирезали, пока ты спал. И уж тем более не принесли бы твои припасы. Кстати, спасибо за парня.

– За какого?

– Сам знаешь. Это мой человек. Я думал, что он уже не жилец. Его группу вырезали недавно.

– Ясно. Ладно, – Марс выдержал паузу, оценивая незнакомца. – Какие гарантии?

– Гарантии? – он покачал головой. – Никаких гарантий, так как я не знаю, кто ты, а ты не знаешь, кто я. Я располагаю только тем, что мне рассказали, и я пытаюсь в это поверить. Единственное, что я могу тебе пообещать, так это то, что ты можешь взять это, – он двинул ногой вещи вперед. – Да, и можешь оставить оружие при себе. Но если ты начнешь чудить или, не дай Бог, кто-то узнает в тебе какого-нибудь гада, я тебя убью. Можешь отдохнуть у нас. Можешь уйти, когда захочешь. Тебя никто не держит. Считай это благодарностью за моего парня.

– Слишком хорошо звучит, чтобы в это поверить.

– Согласен. Дьявол, которого ты знаешь, гораздо лучше дьявола, которого ты не знаешь. Но тебе придется пройти с нами, я не позволю чужаку самовольно расхаживать по моей территории.

Марс снова выглянул в окно, мужики стояли там же.

– Я так понимаю, выбор у меня не велик? – незнакомец только ухмыльнулся, бросил окурок на пол, растер его ногой и сплюнул в сторону. – Понятно, – Марс убрал палец с курка и опустил обрез.

– Вот и прекрасно. Жду тебя на улице.

Марс какое-то время постоял на месте, поднял вещи и вышел наружу. Его сразу окружили, разглядывая как на некую диковинку.

– Ну что? – здоровяк подошел к нему. – Пойдем. Да не бойся. Хотели бы убить, давно бы убили.

– Многие пытались, – закидывая рюкзак за плечи, тихо пробурчал Марс и направился с ними.

Шли не спеша по разбитой дороге длинной цепочкой, молча осматриваясь по сторонам. Вскоре вышли на мост, по которому проходила железная дорога. Ржавые рельсы, длинные, бесконечные уходили вдаль за горизонт. Внизу ручейком текла река, маленькая, тощая, того и гляди загнется, как и все живое на этой планете. Табличка на мосту прострелена в нескольких местах, но еще можно прочитать название «р. Битюг». С левой стороны зловеще возвышалась обелиском труба какого-то завода. Чуть правее большое в несколько этажей здание, стекла выбиты, окна заделаны досками. Вся эта территория ограждена бетонными плитами, в одной из которых виднелся пролом. Подошли к нему.

– Осторожней, – один из группы указал на еле заметную проволоку перед проходом.

Растяжку и впрямь не было видно. Все аккуратно переступили через нее, двое последних остались снаружи. Марс поднял голову и заметил движение на крыше.

– Наши глаза, – усмехнулся здоровяк, видя, как он посмотрел вверх.

– Неплохо устроились.

– Пришлось все налаживать с нуля.

Это была территория старого сахарного завода. Здание, к которому привели Марса, было одним из многочисленных цехов. Высокие железные

балки, метров по десять каждая, впивались в землю. Наверх можно было попасть по стальной лестнице. Территория вокруг была очищена от кустарника и мусора метров на двести. Рядом с убежищем лежали стопками бетонные плиты, игравшие роль укреплений. Между ними можно было легко передвигаться, оставаясь незамеченным. Как оказалось, все здесь было напичкано ловушками, и ходить по округе можно было только по специальным тропам. Когда поднимались, Марс заметил еще людей по периметру.

– Ты хорошо ориентируешься на незнакомой местности, смотришь именно туда, куда нужно, – раздался голос здоровяка, который поднимался за ним.

– Просто осматриваюсь.

– Ну-ну.

Поднялись. Железная скрипучая дверь открылась. Потянуло едой, странным почти забытым запахом. Раздался детский плач, мимо пробежала женщина в возрасте с эмалированным тазом. В углу сидел старик, седой, словно призрак, длинные до плеч волосы, густая борода, одной ноги не было, на коленях двустволка. Он пристально смотрел на Марса повидавшими жизнь глазами, что-то жевал беззубым ртом. Свет проникал внутрь только из специально оставленных застекленных отверстий. На первый взгляд здесь было человек сорок, в основном старики, женщины и дети.

– Есть хочешь?

– Чего? – Марс недоверчиво посмотрел на здоровяка.

– Ладно, пойдем, – он похлопал его по плечу и подтолкнул вперед.

Марс медленно пошел. На него смотрели, словно на диковинного зверя. Он прижал ближе к себе тук с едой. «Не уж-то придется делиться с ними припасами?» Его подвели к большому столу и усадили. Он, словно запуганное животное, смотрел на них, ожидая какого-нибудь подвоха. Вот сейчас, сейчас, сейчас они покажут свое истинное лицо. Но ничего не происходило. Перед ним поставили железную миску с отварным картофелем и парой ложек вареной пшеницы.

– Ешь.

– Да у меня свое есть.

– Ешь. Твои припасы тебе еще понадобятся, если надумаешь уйти.

– Вы что, тут всех так встречаете? В чем подвох?

– Мы хотим тебя отравить, а потом забрать все, твои вещи, – нагнувшись вперед через стол, тихо прошептал здоровяк, а потом заржал во весь голос и ударил ладонью по столу. – Да жри ты, не бойся! Меня Паша зовут. Если что, я тут вроде главного, – он вытащил сигарету и закурил.

– Марс.

– Как шоколадку, что ли?! – снова рассмеялся Паша.

– Как планету, – недовольно парировал Марс, хотя сначала хотел сказать, что как бога, но вовремя передумал. Он положил сверток возле ног, еще раз огляделся, взял в руки огненную картошку и стал чистить ее от кожуры. – Откуда такое добро?

– У нас тут свое подсобное хозяйство. Выживаем, как можем.

Откуда-то сверху послышались тихие шаги. По винтовой лестнице спускался человек в защитном камуфляже снайпера, в руках винтовка Драгунова.

– О-о-о-о, а вот и наши глазки идут.